

Ключевые слова: самодеятельность, Selbstbetätigung, Selbsttätigkeit, модерність, СССР, языковой трансфер, субъективность, активизм в СССР, культурные институты в СССР

II

ДИСКУРС

Зинаида Васильева

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНОСТИ

Эта статья представляет собой публикацию доклада, представленного на конференции «Проекты модерности: Конструируя “советское” в европейской перспективе», прошедшей в Перми в июне 2013 года, и с тех пор оставленного почти без изменений. В отличие от статьи, жанр доклада допускает больше вольностей, и я пользуюсь благосклонностью редакторов, предложивших опубликовать его *tel quel*, поскольку ценность этого текста, на мой взгляд, состоит как раз в некоторой эскизности, позволяющей, с одной стороны, сформулировать гипотезу, а с другой — оставить пространство для дальнейшей детализации и проработки¹.

В тексте рассмотрен языковой трансфер немецких лексем *Selbstbetätigung / Selbsttätigkeit / самодеятельность* в русский язык и высказано предположение о том, что смысловые метаморфозы их русского эквивалента отмечают этапы истории взаимодействия индивида и власти в советском обществе. Авторская гипотеза состоит в том, что советский материал позволяет обнаружить *культурный механизм самодеятельности*, встроенный в разнообразные дискурсы и практики, где тесно и подчас противоречиво переплетаются политический императив, официальный и повседневный дискурс и субъектив-

1 Я благодарю организаторов конференции Людмилу Кузнецову и Александра Резника за интерес к моей работе и содействие публикации. Я также выражаю глубокую признательность Николаю Вахтину, Алексею Голубеву, Андрею Зорину, Илье Кукулину и Валери Познер за их комментарии, а также Михаилу Маяцкому и Светлане Сиротининой за мою инициацию в работу с электронными корпусами немецкоязычных текстов. Исследование было проведено при поддержке Фонда Михаила Прохорова (Карамзинская стипендия — 2013). Публикация подготовлена в Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке Правительства РФ (грант № 14.U04.31.0001).

ное стремление к самовыражению. Исследование функционирования этого культурного механизма позволяет выявить один из специфических элементов феномена советской модерности.

* * *

Важными характеристиками субъекта эпохи модерна считаются автономность действия, телеологичность сознания, активная социальная позиция, открытость к инновации, приверженность рациональному знанию и суждению. В конце XIX — начале XX века все эти характеристики наполняли семантическое поле лексемы «самодеятельность», которая ныне прочно ассоциируется с официальной советской практикой организации досуга и прежде всего с так называемой «художественной самодеятельностью», т.е. любительскими формами различных видов искусства. Современные словари не фиксируют синонимии между именами «самодеятельность», «начинание», «почин», «инициатива»², и оттого понятно удивление читателя, встретившего слово «самодеятельность» в его первоначальном значении — «проявление личного почина в каком-нибудь общественном деле»³.

История развития семантики лексемы «самодеятельность» в русском языке почти полностью приходится на XX век и фиксирует важные, на мой взгляд, изменения в моделях взаимодействия субъекта и общества, произошедшие на протяжении всей советской эпохи.

По-видимому, «самодеятельность» возникает в русском языке как калька с немецких понятий *Selbstbetätigung / Selbsttätigkeit*⁴, которые встречаются в сочинениях Спинозы, Фейербаха и Маркса. У Фейербаха лексема *Selbstbetätigung* встречается в сочинении «Сущность христианства», преимущественно в значении произвольной и автономной деятельности (в частности, мышления), а также свободы воли, обращенной в действие. В ранних «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса лексема *Selbsttätigkeit* используется в основном в контексте критики отчужденного труда рабочего (например, в рукописи, известной под условным названием «[Отчужденный труд]»):

Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т.е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность⁵. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя⁶.

2 *Воркачев С.Г.* Инициатива и послушание: К аксиологической вариативности лингвоконцепта // Политическая лингвистика (Екатеринбург). 2012. № 1(39). С. 173–180.

3 *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 8-е изд., стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 686.

4 Исследование различных контекстов употребления лексем *Selbstbetätigung / Selbsttätigkeit* в немецком языке не входит авторскую задачу. Существенно то, что в русских изданиях оба слова одинаково переводятся как «самодеятельность» и, таким образом, в равной степени участвуют в семантическом наполнении русской лексемы.

5 Все подчеркивания в цитатах принадлежат мне, курсив и выделение заглавными буквами — цитируемым авторам.

6 *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 91.

Опираясь на «Национальный корпус русского языка»⁷ (далее — НК), можно заключить, что эта лексема закрепляется в русском языке в 1840-х годах, однако в обнаруженных контекстах «самодеятельность» романтизируется и понимается как необходимое требование свободы воли, личной мотивации к следованию «движению жизни», саморазвитию и творческой деятельности. Приведу несколько цитат:

Улыбка сильных и внимание толпы не могут дать удовлетворения тому, чье сердце действительно бьется от полноты любви к людям и к добру, в ком развита потребность внутренней жизни и самодеятельности [НК: А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1 (1826—1855)].

Единственная живая сторона романтизма заключается в пробуждении самодеятельности души, о котором мы упомянули как о первой силе, исторгающей человека из бессмысленной непосредственности [НК: В.Н. Майков. «Стихотворения Юлии Жадовской» (1846)].

Ряд контекстов демонстрирует закрепление во второй половине XIX века романтического представления о *самодеятельности* как о коллективном чувстве, происходящем из самой «души народа». Показательно, что оно часто описывается как отсутствующее, хотя и совершенно необходимое для развития русского общества:

Если же народ развратен, то потому, что он был прикреплен, лишен самодеятельности, был податною единицею... [НК: Ф.М. Достоевский. Записные книжки (1850—1881)].

Начало общины есть, по преимуществу, начало славянского племени и в особенности русского народа, давшего ему кроме слова «община» (вполне русского, но несколько книжного) иное, жизненное наименование: МИР. В народе необходима самодеятельность. Нравственный подвиг народа совершается всем народом [НК: К.С. Аксаков. Статья в газету «Молва», № 2, 20 апреля 1857 года].

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭТИКА АНГЛИЙСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА

Широкое распространение слова в русском языке хронологически совпадает с переводом книги «Self-help», написанной шотландским автором Сэмюэлем Смайльсом (1859). В России сочинение было впервые опубликовано в переводе Н.С. Кутейникова в 1866 году под заголовком «Самодеятельность»⁸. Избрав это понятие в качестве русского эквивалента выражению *self-help*, Кутейников в предисловии поясняет:

7 Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru (дата обращения: 07.07.2014).

8 *Смайльс С.* Самодеятельность / Пер. с англ. Н. Кутейникова. СПб.: Печатня В. Головина, 1866. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась. В разных переводах это сочинение известно как «Самопомощь», «Самостоятельная деятельность», «Саморазвитие». См., например, полное заглавие в переводе Владимира Вольфсона: *Смайльс С.* Саморазвитие умственное, нравственное и практическое (Self-help). С доп. статей «Русские деятели» (Самодеятельность) / Пер. и доп. В. Вольфсона. СПб.: В.И. Губинский, 1895.

Передавая английское название книги русским словом «самодеятельность», мы полагаем, что сохраняем основную мысль подлинника и возможно-близко передаем его смысл. Слова, равносильного английскому «self-help» и получившего в русском языке право гражданства, у нас нет: «самопомощь» и «самовспомоществование», при неясности смысла, неудобны даже и для произношения⁹.

Переводчик не дает определения, однако из его рассуждений можно заключить, что под «самодеятельностью» он понимает дело, произведенное собственными силами, «без всякой посторонней помощи», и направленное на практическую реализацию; упорный, терпеливый, невозмутимый труд на различных поприщах, «счастливые результаты» которого оправдывают веру в свои силы и пробивают дорогу к успеху; наконец, дух «самовспомоществования», т.е. саморазвития.

Популярность книги в Европе¹⁰ доказывает, что автору удалось нащупать важный нерв своей эпохи. Персонажи Смайлса — образцовые выразители ценностей модерна, способные уверовать в свои силы, взять судьбу в свои руки, преодолеть сословные ограничения и практическими усилиями рационально выстроить и обеспечить свое будущее. Русское общество второй половины XIX века также жило ожиданием скорого пришествия «новых людей»:

В русском обществе должна пробудиться самодеятельность, вызываемая и текущими реформами, — и в этом смысле и ближайшее знакомство с примерами энергического self-help, которыми так богато общество английское и так бедно наше, будет, по мнению переводчика, далеко не бесполезно для русской публики¹¹.

Следуя повествовательной логике автора, а возможно, и желанию самого Смайлса¹², европейские переводчики стали вводить в текст примеры из собственных национальных историй, будто стремясь доказать готовность своих обществ к вступлению в новую эпоху. В русском переводе В. Вольфсона (1895) появляется отдельная глава «Русские деятели», где наряду с прогрессивными императорами Петром I и Екатериной II появляются, например, полководец А.В. Суворов, просветители княгиня Екатерина Дашкова и принц Петр Ольденбургский, промышленники Демидовы, путешественник И.Ф. Крузенштерн, врач и ученый профессор М.Я. Мудров и др. Круг избранных героев очерчивает ценностные ориентиры глашатаев новой эпохи: наука, всеобщее просвещение, индустриализация, оригинальность. Переводчик как будто пытается обнаружить в России предвестников модерна.

9 *Смайльс С.* Самодеятельность. С. V.

10 Сочинение быстро завоевало популярность. В 1865 году книга была переведена на французский и итальянский языки, а через год вышли немецкий и русский переводы. См.: *Smiles S.* «Self-help» ou Caractère, conduite et persévérance, illustrés à l'aide de biographies / Trad. par A. Talandier. Paris: Henri-Plon, 1865; *Smiles S.* Chi si aiuto Dio l'aiuta, ovvero Storia degli uomini che dal nulla seppero innalzarsi ai più alti gradi in tutti i rami della umana attività / Trad. S. Strafforello. Milano: Editori della biblioteca utile, 1865; *Smiles S.* Die Selbsthülfe in Lebensbildern und Charakterzügen / Übertragen von J.M. Boyes. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1866.

11 *Смайльс С.* Самодеятельность. С. V.

12 Французский переводчик Альфред Таландь сообщает в предисловии, что Смайлс согласился на перевод своего сочинения только при условии введения в текст замечательных примеров из французской истории.

О популярности книги Смайlsa у русского читателя можно судить по многочисленным упоминаниям его имени у Н.С. Лескова, А.И. Куприна, Андрея Белого¹³, Максима Горького и т.д. Со временем сочинение входит в круг популярного чтения, коннотирующего не только с просвещенным, рациональным, материалистическим, но также революционным взглядом на мир:

Авторитеты свергались, и все веровали тогда только в авторитеты Бюхнера, Молешота, Фейербаха, Милля, Лассаля, Смайльса и других [НК: И.Е. Репин. «Далекое близкое» (1912—1917)].

И я продолжал себе жить уединенной умственной жизнью, жадно и беспорядочно поглощая все книги, какие только попадутся под руку, упиваясь, например, «Письмами из деревни» Энгельгардта наравне с «Вечным Жидом», статьями Шелгунова наряду с «Характером» добродушного буржуа Смайльса, газетными телеграммами о сменах министерства во Франции наравне с разрозненными нумерами журнала «Дело», открытыми мною на чердаке, в каких-то заброшенных ящиках [НК: В.М. Чернов. «Записки социалиста революционера» (1922)].

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

В словаре будущих революционеров лексема начинает использоваться для описания спонтанной народной активности. Во время русских революций под лозунгом «самодеятельности» объединились различные политические и социальные силы. Частотное использование лексемы в официальных документах свидетельствует о том, что на протяжении первых двух десятилетий XX века «самодеятельность» оказалась тем знаком, который был использован как инструмент политической мобилизации¹⁴ самых разных групп населения. Каждая из них могла интерпретировать его с определенным семантическим сдвигом в соответствии с близкими ей ценностными ориентирами¹⁵.

13 Показательна цитата из воспоминаний Андрея Белого, указывающая на широкую распространенность книг Смайльса в качестве базового чтения для воспитания юношества: «...Нас уже в гимназическом возрасте воротило от Смайльсов, которыми в отрочестве перечитались и мы...» [НК: Андрей Белый. «На рубеже двух столетий» (1929)].

14 Об использовании языка как инструмента политической мобилизации в СССР см.: *Lenoe M. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution and Soviet Newspaper.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004; *Lovell S. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000; *Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War.* Princeton: Princeton University Press, 2000.

15 При этом я склонна усматривать в этом явлении не только манипулятивные намерения власти, но и проявление общей тенденции управления массами в модерных обществах (см.: *Hoffmann D.L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914—1939.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2012), а также неоднородность доминирующего властного дискурса, в котором можно найти следы различных и зачастую противоречащих друг другу теоретических концепций (см.: *Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Interwar Russia.* Oxford: Oxford University Press, 2007).

Широкое использование термина реконструируется, в частности, по полемическим высказываниям Ленина, где он критикует интерпретации общественной и политической самодеятельности, предлагаемые конкурентами¹⁶. Официальные тексты РСДРП — РКП(б) — ВКП(б) пестрят такими словосочетаниями, как «революционная самодеятельность», «политическая самодеятельность», «самодеятельность масс / рабочих / крестьян / трудящихся»¹⁷. Помимо общих высказываний, утверждающих активность рабочих и крестьян, партия призывала трудящихся к самодеятельности в тех случаях, когда сама оказывалась неспособной решить срочные экономические задачи:

Только вместе с организованными рабочими массами в лице их профсоюзов и только на почве широкой самодеятельности этих последних возможны серьезные успехи на хозяйственном фронте [X съезд РКП(б), 1921]¹⁸.

Жилищный вопрос можно решить и самодеятельностью самого населения и его материальным участием. <...> Наилучшей формой такой самодеятельности является жилищная кооперация [XIII съезд РКП(б), 1924]¹⁹.

Максимальная самодеятельность широких слоев рабочего класса и крестьян является гарантией успеха хозяйственного и культурного роста [Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 1927]²⁰.

Таким образом, в течение 1920-х годов слово «самодеятельность» было освоено и инкорпорировано в нормативный партийный дискурс. Это терминологическое включение обеспечило необходимую связь в структуре повседневности между словом «самодеятельность», нагруженным политическими (и строго положительными) коннотациями, и теми практиками, с которыми оно могло быть соотнесено. Забегая вперед и развивая мысль о возможности использования *самодеятельности* как теоретического понятия, я полагаю, что именно эта сцепка дискурса, властных отношений и социальных практик привела к тому, что *самодеятельность* стала сложным культурным механизмом, тесно связанным с коммунистической идеологией и советскими институтами. Эта сцепка стабилизировала и запустила в советском обществе *культурный механизм самодеятельности*.

«Самодеятельность» была необходима новой власти в качестве доказательства укорененности и обоснованности революционных настроений, делающего легитимными сами революционные действия. Согласно «Краткому курсу истории ВКП(б)»²¹, Советы «были проявлением самодеятельности народа, поднимавшегося на борьбу против царизма». Однако «дух свободы», изначально заложенный в этом слове, противоречил нарождающейся диктатуре. Ленин, сознавая неоднозначность понятия, прямо использует его пре-

16 См., например: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967–1975. Т. 4. С. 260, 263; Т. 6. С. 93; Т. 7. С. 326–327.

17 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М.: Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС, 1953. Ч. I: 1898–1925; Ч. II: 1925–1953.

18 Там же. Ч. I. С. 537.

19 Там же. Ч. I. С. 849.

20 Там же. Ч. II. С. 261.

21 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1938. С. 75.

имущественно в документах, обращенных вовне, т.е. ориентированных на широкую внешнюю аудиторию, где текст должен убеждать читателя или слушателя и способствовать его политической мобилизации. Во внутрипартийных документах лексема, как правило, используется в цитатах и в контексте критики. Показательна критика Лениным позиции редакций «Рабочее дело» и «Искра»:

Со страниц «Искры» опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: ей, господи, верую и исповедую самодетельность пролетариата. Во имя самодетельности пролетариата Аксельрод и Мартынов, Мартов и Либер (бундовец) защищали на съезде право профессоров и гимназистов записываться в члены партии, не входя ни в какие организации. Во имя самодетельности пролетариата сочинялась теория «организации-процесса», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самодетельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде *соглашения* просеянной через троюкратные выборы рабочей депутации с *земцами* о мирном манифестировании без произведения панического страха. Во имя самодетельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания²².

Наконец, статья завершается выводами:

Есть самодетельность и самодетельность. Есть самодетельность пролетариата революционно инициативного, и есть самодетельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодетельность сознательно социал-демократическая и самодетельность зубатовская²³.

Мы закончим теперь советом, который нам еще много раз придется давать новоискровцам: не принижайте задач авангарда революции, не забывайте о нашей обязанности поддержать этот авангард нашей *организованной самодетельностью*²⁴.

ОТ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ К «САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Самодетельное начало было присуще всей культуре 1920-х годов. Многие теоретики тех лет (В. Керженцов, А. Пиотровский, Г. Авлов, А. Гуцин и др.) развивали мысль о том, что «новое искусство явится результатом самодетельного творчества революционных масс»²⁵. Анархисты, большевики, левая интеллигенция вели теоретические дискуссии о путях развития любительского искусства. В этих дебатах используются и закрепляются термины «самодетельное искусство» и «художественная самодетельность».

Стабилизация этих словосочетаний привела к возникновению своего рода *омонимии*, когда «самодетельность» могла равным образом обозначать социальную активность и художественную практику. Эта омонимия была тем более оправданна в контексте синкретичной революционной культуры, когда

22 Ленин В.И. Две тактики // Ленин В.И. Указ. изд. Т. 9. С. 255.

23 Там же. С. 261.

24 Там же. С. 263.

25 Румянцев С.Ю., Шульгин А.П. Некоторые теоретические проблемы и художественно-эстетические особенности самодетельного творчества 1920-х годов // Самодетельное художественное творчество в СССР: Очерки истории. М.: ГИИ, 2000. Т. 1: 1917–1932. С. 24.

политические демонстрации и митинги могли сопровождаться театральными зрелищами, поэтическими декламациями и художественными выставками²⁶.

На фоне всеобщей революционной самодетельности в 1920-е годы остро стоял вопрос о возможности и способах взаимодействия между профессиональными художниками и любителями. Несмотря на всеобщее согласие о необходимости тесного сотрудничества профессионалов и выходцев из рабочих и крестьян, вопрос о его форме долго вызывал споры, пока не одержала победу концепция Н.К. Крупской, утвердившая на весь последующий советский период формат централизованного «наставничества» и просвещения.

В 1930 году на базе так называемого «Поленовского дома»²⁷ возникает Центральный Дом самодетельного искусства в городе и деревне им. Н.К. Крупской (ЦДИСК), находившийся в подчинении Наркомата просвещения. ЦДИСК стал «оперативным и методическим центром самодетельного искусства», основной задачей которого было руководство любительским творчеством в колхозах и совхозах²⁸. С этого времени под контроль ЦДИСКа попадают все краевые, областные и районные дома самодетельного искусства, и непрофессиональное искусство начинает функционировать согласно централизованному административно-территориальному принципу. ЦДИСК оказывается центральным органом, выдающим методические рекомендации относительно формы и содержания региональных инициатив в сфере искусства, а также основной структурой, оценивающей качество последних.

Сведение всей области культуры в рамки государственных институтов на протяжении 1930-х годов приводит к еще большему сдвигу лексики в официальном языке в сторону канцеляризма (*художественная самодетельность*) и штампов (*заводская самодетельность, рабочая самодетельность*). Согласно данным НК, частотность использования лексики резко возрастает в середине 1930-х годов и остается стабильной вплоть до 1980-х, причем практически всегда встречается в сочетании с прилагательными *заводская / колхозная / рабочая / художественная*.

С середины 1930-х годов исследователи советского языка²⁹ фиксируют возникновение так называемого *langue de bois*, или «тоталитарного языка».

26 Подробнее об этом см.: Румянцев С.Ю., Шульгин А.П. Указ. соч.; Mally L. *Revolutionary Acts: Amateur Theater and the Soviet State, 1917–1938*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.

27 В.Д. Поленов (1844–1927), живописец и театральный художник, был также большим любителем театра и, как многие дворяне в конце XIX – начале XX века, содействовал любительским постановкам. В 1912 году при Московском обществе народных университетов он организовал Секцию содействия устройству деревенских, фабричных и школьных театров, а в 1915-м на личные средства построил в Москве здание, ставшее известным как «Поленовский дом» (ныне – Зоологическая ул., 13). После революции в 1917 году Секция перешла в ведение Театрального отдела Наркомпроса и позднее была преобразована в Центральный Дом искусств деревни им. В.Д. Поленова (1925).

28 Подробнее об этом см.: Мусьянкова Н.А. Художники и институции: Самодетельное творчество в СССР 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. искусств. наук. М.: ГИИ, 2008. Гл. 3.

29 См.: *Sériot P. Analyse du discours politique soviétique*. Paris: IMSECO, 1985; *Thom F. Newspeak: The Language of Soviet Communism*. London; Lexington: Claridge Press, 1989; *Yong J.W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville: University

Н.Б. Вахтин отмечает: мы знаем, «что расцвет этого языка в СССР приходится на конец 40-х — начало 50-х годов, однако он уже существовал в полной мере в середине 1930-х»³⁰. Одной из характеристик *langue de bois* считается использование словаря «манихейского» типа, где наряду с однозначно позитивными (*коммунист, пролетариат, народ*) и однозначно негативными (*капитализм, империализм, буржуазия*) понятиями присутствуют амбивалентные, значение которых определяется контекстом и прежде всего соседствующими словами: *демократия (пролетарская и буржуазная), патриотизм (советский и ложный), свобода (народов и буржуазная)*³¹. Именно манипулятивная природа такого словоупотребления приводит к выхолащиванию лексического содержания и в конечном счете к тотальной узурпации семантики языка со стороны государства, которое становится единственным экспертом в сфере наделения слов значениями.

Введение лексемы «самодеятельность» в советский официальный язык катализировало процесс вытеснения первоначальных (романтических) значений и формирования устойчивой семантической связи с государственными институтами в сфере культуры и досуговых практик. Хотя омонимия *самодеятельности-как-художественной-практики* и *самодеятельности-как-общественного-активизма* прослеживается вплоть до 1960-х, такая семантическая динамика поставила под сомнение возможность *самодеятельности-как-формы-бытия*, связанной с «новым бытом» и революционной культурой, — как в языке, так и в социальной практике.

Другим следствием централизации любительских практик явилось установление оппозиции между экспертами-профессионалами и подопечными им любителями. В эпоху складывания соцреалистического канона³² наивная любительская форма интерпретировалась уже не как художественная самобытность, но как признак невладения профессиональными техниками и неправильного понимания искусства. Закрепление этой оппозиции привело к появлению первого пейоративного значения лексемы: самодеятельность как «любительщина» и «дилетантизм».

Также ко второй половине XX века относится появление второго отрицательного значения, на этот раз — политически нагруженного. По наблюдениям Воркачева, в коннотативной части семантики лексемы «самодеятельность» произошла замена аксиологического знака: на смену «личному почину», «творческому началу», общественной самодеятельности и революционной самодеятельности пришли «самовольные действия, не согласованные с руководством или специалистами»³³.

В текстах личного происхождения 1960-х годов можно обнаружить одновременное использование лексемы в разных значениях внутри одного и того же текста. Например, воспоминания «У памятника», написанные «по горя-

Press of Virginia, 1991; *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Вахтин Н.Б.* Советский «langue de bois» 30–40-х годов: Об одной семантической особенности: (К постановке проблемы) // Дело Авангарда = The Case of the Avant-garde / Ed. by W.G. Weststeijn. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2008. P. 309–325.

30 *Вахтин Н.Б.* Указ. соч. С. 313.

31 Там же.

32 О нем см.: Соцреалистический канон / Под. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический проект, 2000; *Добренко Е.А.* Политэкономика соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

33 *Воркачев С.Г.* Указ. соч.

чим следам» на основе дневниковых записей, рассказывают о социальной самодеятельности ученых-физиков города Обнинска в 1969 году. Общественная инициатива, начавшаяся организацией «Дня ученых», завершилась гражданской и политической акцией в поддержку Пражской весны. В тексте воспоминаний слово «самодеятельность» встречается трижды: два раза — для описания инициативности и общественной активности, характерных для общества молодых ученых, и один раз — в кавычках — имитируя слова партийных лидеров: «Нельзя допустить никакой “самодеятельности”!»³⁴

Завершение эпохи оттепели совпадает с провалом проекта общественной самодеятельности. На протяжении 1970—1980-х годов самодеятельные инициативы «уходят в подполье». В эпоху позднего социализма культурный механизм реализуется в локальных (и часто полузакрытых) пространствах клубов, кружков, студий, любительских сообществ, педагогических экспериментальных коллективов и художественного андеграунда. Само слово «самодеятельность» продолжает функционировать как нормативное для обозначения творческих коллективов, действующих под крышей государственных и партийных учреждений, однако за пределами официального языка используется преимущественно в иронических кавычках или в отрицательном значении. В позднесоветский период сами участники художественной самодеятельности все чаще избегают своей официальной номенклатуры, предпочитая именоваться «студийцами», «любителями» или производными от названий их коллективов³⁵. Такое избегание подчеркивало локальность и как будто бы неофициальность их практик, находящихся одновременно внутри и вне³⁶ государственных институтов.

34 Нозик В.З. У памятника: (К 30-летию «Гарусских страниц») [1969] // www.vmeste.org/memo/memoauthor_0026.shtml (дата обращения: 07.07.2014).

35 Это наблюдение подтвердил театровед А.П. Шульпин, много лет посвятивший работе в непосредственном контакте с любительскими театральными коллективами. Я благодарю его за время, уделенное обсуждению моих исследовательских находок и гипотез.

36 Ср. с категорией «внеаходимости»: Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006.